

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2021 Том 26, №1

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2021

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Международный совет:

- Ш. Мустафаев*, доктор исторических наук, академик АН Азербайджана, (Азербайджан, Баку),
А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)
С. Д. Атдаев, кандидат исторических наук (Туркменистан, Ашхабад)
Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)
Н. Цэдэв, кандидат педагогических наук (Монголия, Улан-Батор)
Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)
З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)
А. М. Досымбаева, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

Редакционная коллегия:

- С. А. Васютин*, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)
Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)
А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)
А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)
Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)
Т. Д. Скряникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)
О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)
М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)
Е. С. Элбакян, доктор философских наук, (Россия, Москва)
Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)
А. Г. Ситдииков, доктор исторических наук (Россия, Казань)
М. М. Содномпилова, доктор исторических наук (Россия, Улан-Удэ)
Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

- Л. Н. Ермоленко*, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)
Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)
Л. С. Марсадоллов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)
Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)
А. В. Горбатов, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)
К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)
А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)
С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук (Россия, Оренбург)
А. Д. Таиров, доктор исторических наук (Россия, Челябинск).

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66,
Алтайский государственный университет, кафедра религиоведения России, национальных
и государственно-конфессиональных отношений.

© Оформление. Издательство Алтайского госуниверситета, 2021

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2021 Vol. 26, №1

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2021

The journal was founded in 2007

The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences, academician of the Academy of Sciences of Azerbaijan,
(Azerbaijan, Baku),

A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

S. D. Atdaev, candidate of historical sciences (Turkmenistan, Ashgabat)

N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

N. Tsedev, candidate of pedagogical sciences (Mongolia, Ulaan Baatar)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bulgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabiako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences (Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences (Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences (Russia, Ulan-Ude)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences (Russia, Orenburg)

A. D. Tairov, doctor of historical sciences (Russia, Chelyabinsk).

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77–78911.

Registration date 07.08.2020 г.

Editorial office address: 656049, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, Altai State University, Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

© Altai State University Publisher, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2021 Том 26, №1

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Шульга П. И., [Оборин Ю. В.]</i> Зеркало-погремушка из Среднего Урала	7
<i>Серегин Н. Н., Тишкин А. А., Матренин С. С., Паришкова Т. С.</i> Седелные канты из раскопанных курганов Алтая жужанского времени	25
<i>Каратаев О.</i> Ещё раз о сакральной местности Ötüken: история вопроса и современная интерпретация	37
<i>Кузнецов И. В.</i> О символе змеи на каменных изваяниях Юго-Западного Туркменистана	63

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Мустафаев Ш. М.</i> Генеалогические предания как отражение исторической памяти древних огузов	82
<i>Турсунбеков З. А., Тукембаев Ч. А.</i> Локализация Катванской битвы	97
<i>Ожередов Ю. И., Ярзуткина А. А.</i> Копья и стрелы в ритуалах чукчей	111

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Монгуш А. В.</i> Православие в Республике Тыва на современном этапе	140
<i>Слепцова В. В.</i> Светский и религиозный гуманизм: история и современность	160
<i>Никулина И. Н.</i> Ссылные польские католические духовные лица в Западной Сибири (60-е — конец 70-х гг. XIX в.): некоторые аспекты изучения	173
ДЛЯ АВТОРОВ	182

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

2021 Vol. 26, №1

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Shulga P. I., [Oborin Yu. V.]</i> Rattle-mirrors from the Middle Urals.....	7
<i>Seregin N. N., Tishkin A. A., Matrenin S. S., Parshikova T. S.</i> Saddle facings from the excavated mounds of rouran period in Altai	25
<i>Karataiev O.</i> Once again about the sacred area Ötüken: history of the issue and modern interpretation	37
<i>Kuznetsov I. V.</i> On the question of understanding the symbol of the serpent in archaic ideas about the afterlife.....	63

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Mustafayev Sh. M.</i> Genealogical legends as a reflection of the historical memory of the ancient oghuzes	82
<i>Tursunbekov Z. A., Tukembaev Ch. A.</i> The localization of battle of qatwan	97
<i>Ozheredov Yu. I., Yarzutkina A. A.</i> Spears and arrows in the Chukchi rituals.....	111

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Mongush A. V.</i> Orthodoxy in the republic of Tuva at the present stage	140
<i>Sleptsova V. V.</i> Secular and religious humanism: history and current state	160
<i>Nikulina I. N.</i> The exiled polish catholic spiritual persons in Western Siberia (60 — the end of the 70s. XIX century): some aspects of study	173

FOR AUTHORS	182
--------------------------	-----

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 39

DOI: 10.14258/nreur(2021)1-05

Ш. М. Мустафаев

Институт востоковедения НАН Азербайджана, Баку (Азербайджан)

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ДРЕВНИХ ОГУЗОВ

В статье рассматриваются вопросы отражения в генеалогических преданиях исторического сознания древних огузов, одной из главных ветвей тюркских народов. Как известно, в духовной жизни кочевых народов исключительное место занимает знание о собственной родословной, о славных деяниях предков, поскольку именно эта информация, часто сакрализованная, являлась «идейной» основой спаянности рода или племени, обеспечивала единство и солидарность этнического сообщества. У тюркских народов эта информация находила отражение, как правило, в так называемых *шеджере* или *шежире* (дословно — генеалогических деревьях). В средневековых исторических источниках зафиксирован значительный пласт генеалогических преданий огузов, получивших известность большей частью под названием «Огуз-наме». Изучение подобного рода материала позволяет судить об уровне развития исторического сознания древних огузов, об их представлениях о собственном прошлом, происхождении и ранней истории своего народа, обычаях и верованиях предков и т. д.

Ключевые слова: генеалогические предания, огузы, традиция, историческая память, Ближний Восток, Центральная Азия, Рашид ад-Дин, Коркуд, религия, шаманизм.

Sh. M. Mustafayev

Institute of Oriental Studies, ANAS, Baku (Azerbaijan)

GENEALOGICAL LEGENDS AS A REFLECTION OF THE HISTORICAL MEMORY OF THE ANCIENT OGHUZES

The article discusses how the historical consciousness of the ancient Oghuzes, one of the main branches of the Turkic peoples, is reflected in their genealogical legends. Obviously, knowledge of their own ancestry and the glorious deeds of their ancestors occupy an exceptional place in the spiritual life of nomadic peoples, since this information, often sacred, was the “ideological” basis for the cohesion of a clan or tribe, ensuring the unity and solidarity of the entire ethnic community. Among Turkic peoples this information was reflected, as a rule, in the so-called “shejere” or “shejire” (literally, “genealogical trees”). A significant layer of genealogical traditions of the Oghuzes, known for the most part under the name “Oghuz-name”, was recorded in medieval historical sources. The study of this kind of material allows us to judge the level of evolution of the historical consciousness of the ancient Oghuzes, their ideas about their own past, the origin and early history of their people, the customs and beliefs of their ancestors, etc.

Keywords: genealogical legends, Oghuzes, tradition, historical memory, the Middle East, Central Asia, Rashid ad-Din, Korkud, religion, shamanism

---

Мустафаев Шаин, академик НАН Азербайджана, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института востоковедения НАН Азербайджана, Баку (Азербайджан). *Адрес для контактов:* mustsfayevsm@gmail.com.

Mustafayev Shain, academician of the Azerbaijan National Academy of Sciences, PhD in History, Professor, Deputy director of the Institute of Oriental Studies, ANAS, Baku (Azerbaijan). *Contact address:* mustafayevsm@gmail.com

---

Введение

Фазлуллаху Рашид ад-Дину, знаменитому государственному деятелю и историку эпохи Ильханидов, одному из первых принадлежит заслуга в сборе, систематизации и письменной фиксации исторических сведений и преданий о древней истории тюркских и монгольских народов. В своем известном труде «Сборник летописей» («Джами ат-таварих») он обоснованно задавался вопросом — почему оказалось возможным положение, когда в прежние времена познания в области исторических судеб этих народов находились «в пренебрежении и забвении в такой степени», что всякий говорил и писал о них «на основании каких-то глупых рассказней, не дойдя до сути дела» [Рашид-ад-Дин, т. I, кн. 1, 1952: 68]. И сам же автор подчеркивал, что «до самого последнего времени никто не систематизировал в письменной форме перечня большинства ветвей [тюркского народа], и происхождения названий [их] в этом отношении не существует,

---

особенно когда над [все]м этим прошло длительное время, [и многое должно было бы утратиться из области познания тюркских народов]» [Рашид-ад-Дин, т. I, кн. 1, 1952: 75].

Между тем, по мнению Рашид ад-Дина, знание собственной родословной линии, передача следующим поколениям сведений о прошлом своего племени и народа, славных деяниях предков являлись весьма важной задачей не только с познавательной, но и морально-нравственной точки зрения. Оказывается, у народов, еще не ставших «людьми писания», и потому не обладавших «истинной» верой и «религиозной общиной», посредством которых они могли бы наставлять юные поколения на праведный путь, наиболее надежным и доступным инструментом обеспечения этнической солидарности и идеологического единства социума оставалась историческая память, зафиксированная в генеалогических преданиях. Именно поэтому, к примеру, у монголов каждому родившемуся ребенку его родители передавали «предания о роде (*кабилэ*) и родословной (*насаб*), и они (монголы) всегда соблюдали таковое правило, и в настоящее время оно почитается у них» [Рашид-ад-Дин, т. I, кн. 2, 1952: 29]. Этим поддерживалась духовная связь между поколениями и сохранялось единство всего этноса.

Действительно, средневековые мусульманские авторы не раз ссылались на слова, высказанные якобы еще пророком Мухаммедом, а по некоторым сведениям — халифом Омаром: «Узнавайте свои родословные, чтобы поддерживать ваши родственные связи». Ибн Халдун комментировал этот хадис как наставление о пользе родства для обеспечения внутренней солидарности и объединения, «которое делает обязательной связь между родственниками, так что между ними возникает взаимопомощь и привязанность» [Алексеев, Сырейщикова, 2009: 211].

В этом вопросе утверждения Рашид ад-Дина и Ибн Халдуна были созвучны мыслям, высказанным задолго до них арабским интеллектуалом эпохи мусульманского ренессанса Джахизом, который еще в X в. считал, что «нет прочнее родства, чем то, что зиждется на генеалогическом единстве» [Асадов, 1993: 13].

Результаты исследования

Для многих тюркских народов генеалогические предания в течение длительного времени оставались наиболее значимым источником, посредством которых они фиксировали свои познания о собственной истории. Эти предания, безусловно, выполняли роль «зеркала», отражавшего воззрения тюрков на свое происхождение и место во времени и пространстве. Так, к примеру, исключительное значение для воссоздания прошлого казахского народа играли так называемые «шежире» («древо» в переводе с арабского слова «шаджара») — родословные отдельных семей, родов, племен, передававшиеся в устной форме от поколения к поколению и частично письменно зафиксированные благодаря усилиям ряда известных ученых XIX — начала XX в. — А. Левшина, В. Вельяминова-Зернова, Н. Аристова, Г. Саблукова, П. Рычкова и других. Благодаря их стараниям дошел до нашего времени ряд генеалогических преданий, составляющих важную часть культурного и духовного наследия казахского народа — «Родословное древо кыпчаков» («Қыпшақ шежіресі»), «Родословное древо трех жузов» («Үш жүз шежіресі»), «Родословное древо тюрков» («Түріктер шежіресі») и др. Сами казахские просветители Чокан Валиханов, Абай Кунанбаев также придавали особое значение со-

биранию и публикации исторических преданий. Более того, Абай Кунанбаев вдохновил Ш. Кудайбергенова на написание научного труда, в котором на основе многочисленных «шежере» исследовалась история происхождения казахов. Этот труд под названием «Генеалогия тюрков, киргиз-казахов и ханов» («Түрік, қырғыз-қазақ һәм хандар шежіресі») был опубликован в 1911 г. в Оренбурге [Тулбасиева, 2013: 43–44].

Наиболее богатую часть всего массива тюркских генеалогических преданий, пожалуй, составляют огузские по своему происхождению родословные. Этот факт, возможно, определяется тем, что огузы являлись одним из основных этнических компонентов тюркского сообщества с самых ранних этапов формирования единого Тюркского эля. Не случайно в орхонской эпиграфии Бильге-кагана этот древнетюркский правитель обращается к своему народу: «(О вы), тюркские (и?) огузские беги и народ, слушайте!» [Малов, 1951: 39]. Как полагал В. В. Бартольд, в древнетюркских письменных памятниках слова «тюрк» и «огуз» могут восприниматься и как синонимы [Бартольд, 1968: 271].

По сути, многие огузские генеалогические предания по содержанию и жанровым особенностям можно, скорее, отнести к «генеалогическим летописям». У многих кочевых скотоводческих народов, прошедших в своем историческом развитии этап патриархально-родового уклада, существовал обычай составления родословных, что обычно было связано с принципом родовой экзогамии. Однако постепенно с эволюцией общественных отношений эти родословные начинали перерастать свое первоначальное назначение и обрастать дополнительной информацией. Они превращались в своеобразные повествования исторических событий, происходивших во времена наиболее значимых родовых или племенных вождей. Таким образом, эти предания приобретали характер летописей о происхождении и истории отдельных родоплеменных групп либо всего народа в целом [Башкирские шежере, 1960: 7–8].

Таковы, в том числе, и основные огузские генеалогические предания, которые мы застаем на этапе их письменной фиксации. Наиболее ранним из дошедших до нас письменных мусульманских вариантов огузских генеалогических преданий является, как известно, «Огуз-наме» Рашид ад-Дина. Будучи везиром при дворе Ильханидов, Рашид ад-Дин взялся за амбициозный и невиданный по своим масштабам труд составления свода всеобщей истории известных на тот период народов — от «франков» на крайнем западе до китайцев на крайнем востоке. Как обоснованно отмечал И. П. Петрушевский, идея создания столь грандиозного исторического свода могла появиться именно в эпоху Ильханидов, поскольку крестовые походы, объединение огромных пространств Евразии под правлением Монгольской империи, восстановление трасс Шелкового пути, по которым развивалась азиатско-средиземноморская караванная и морская торговля, открытие итальянских торговых колоний в центральных городах Ильханидского государства, расширение отношений Ближнего Востока и Средней Азии со странами Средиземноморья на западе и с Китаем, Монголией, Индией на востоке, а также распространение в чиновничьей и торговой среде языкового плюрализма, в частности, наличие в ильханидских городах носителей монгольского, уйгурского, китайского, санскрита, кашмирского, древнееврейского, сирийского, итальянского, старофранцузского (франкского) языков, создавали благодатную почву для культурного и интеллектуального обмена между представителями различных народов и расширения интереса

к их истории. Не менее значимым фактором, способствовавшим созданию столь колоссального по своему географическому и культурному охвату труда, в котором наибольшее место занимала история тюркских и монгольских народов, являлось установление при династии Сельджукидов в XI в. тюркской политической власти на значительной части мусульманского мира. Тюркские династии, как известно, поощряли написание произведений, «в которых учитывалась бы история тюркских племен на основании их традиции» [Рашид-ад-Дин, т. I, кн. 1, 1952: 24–25]. Над коллективной работой под общим руководством Рашид ад-Дина в течение многих лет трудилась многонациональная группа знатоков истории и исторических преданий многих народов.

Как известно, вводную часть труда Рашид ад-Дина составляла история происхождения и распространения тюркских народов, которая получила в Средние века и в современной науке название «Огуз-наме», поскольку родословная всех ветвей тюркского народа возводилась автором к легендарному прародителю Огузу. Однако важно то, что произведение Рашид ад-Дина «Огуз-наме» послужило основой и образцом для множества подобных сочинений, которые были распространены в различных регионах тюркского мира в Средние века. Достаточно напомнить о наиболее известных из них — «Огуз-наме» османского автора первой половины XV в. Языджиоглу Али, либо два произведения хивинского правителя Абул-Гази Бахадур-хана «Родословная туркмен» и «Родословная тюрков» в XVII столетии.

Между тем сочинение Рашид ад-Дина задавало тон для всех последующих средневековых хроник, которые были посвящены истории тех или иных тюркских династий и правителей. Произведения многих османских авторов XV столетия, включая и множество анонимных «Летописей дома Османа» («Теварих-и ал-и Осман»), историческое сочинение Абубакра Тихрани «Китаб-и Дийарбакриййа», посвященное династии Ак-Коюнлу, «Зафар-наме» тимуридского автора Шараф ад-Дина Али Йазди и другие предваряются различными версиями генеалогического древа тюрков или «Огуз-наме». Следует отметить, что произведение Шараф ад-Дина Али Йазди оказало колоссальное влияние на всю тимуридскую и посттимуридскую историческую традицию не только в Средней Азии, но и в Северной Индии эпохи Великих Моголов. Как известно, самому Улутбеку приписывается авторство анонимного сочинения «Родословная тюрков» («Шаджарат ат-атрак»), в котором даже родословная Османской династии включена в общую схему происхождения тюркских народов (см. : [Binbaş]). Примечательно, что правившие даже в Индии тюркские династии придавали особое значение возведению собственной генеалогии к прародителю тюрков Огуз-хану. «Акбар-наме» Абулфазла Аллами, посвященное потомку Бабура шаху Акбару Великому, начинается с родословного древа этой династии с включением в него имени Огуза в качестве основного звена [Аллами, 2003: 61]. Или династия Кутбшахов, которая правила в Голконде (Индия) в 1512–1687 гг. и происходила от боковой линии туркманских султанов Кара-Коюнлу, также возводила свою генеалогию к Огуз-хану, о чем повествуется в анонимной придворной хронике под названием «Тарих-и гозиде-и султан Мухаммед Кутбшах» [Minorsky, 1955: 53].

Вместе с тем важно подчеркнуть, что сам Рашид ад-Дин, способствовавший популяризации традиции «Огуз-наме» среди правящих элит различных тюркских государств в XV–XVII вв., при систематизации и фиксации сведений о происхождении и ранней

истории тюрков опирался на широко распространенные в его время в тюркской народной среде различные варианты генеалогических преданий и легенд. Выше уже было указано, что над историческим сводом «Джами ат-таварих» трудился целый коллектив историков, который черпал сведения для своей работы из различных источников. Безусловно, основными источниками для написания истории тюркских народов и племен являлись генеалогические предания, бытовавшие как в местной тюркской среде Азербайджана, так и привнесенные в нее многочисленными выходцами из Средней Азии и Восточного Туркестана.

Прежде всего следует отметить широкое распространение в тюркской среде Ближнего Востока сюжетов из древнеогузского эпоса о певце и патриархе Деде Коркуде и преданий о легендарном прародителе тюрков Огуз-хане. Достаточно упомянуть известные сведения Абубакра ибн Абдаллаха ибн Айбека ад-Давадари, который в 1309 г. сообщал в своей книге, написанной в Египте на арабском языке, о некоей древней рукописи на тюркском языке под названием «Дастан Улухан Ата Битикчи», повествующей о старинных огузских сказаниях и переведенной якобы на арабский язык еще при халифе Харуне ар-Рашиде [Короглы, Набиев, 1996: 49]. Еще более наглядным свидетельством широкого распространения огузских сказаний явилась письменная фиксация в Азербайджане в туркманской среде Ак-Коюнлу эпоса о Деде Коркуде, отдельные сказания которой носили название «Огуз-наме».

Не менее важной информативной базой для написания Рашид ад-Дином ранней истории тюркских племен и народов должны были служить и генеалогические предания и мифы, бытовавшие в уйгурской среде при Ильханидах. Как известно, одним из значительных этнокультурных последствий монгольского завоевания Ближнего Востока явилось восстановление исторических связей между тюркскими сообществами Ближнего Востока и Восточного Туркестана. Значительную часть чиновничьего аппарата, а также буддийского и несторианского духовенства при ранних Ильханидах в XIII в. составляли уйгуры, культурное влияние которых как на монголов, так и на местную тюркскую среду сложно переоценить. Составляя образованную и привилегированную часть ильханидского общества, уйгурские *бахши*, как называли часто писцов и монахов мусульманские авторы, являлись носителями ценной исторической и культурной информации и в определенной мере выполняли функцию культурного моста между тюркскими сообществами Восточного Туркестана, Средней Азии и Ближнего Востока. Благодаря их усилиям уйгурская письменность на довольно длительный срок вошла в канцелярский обиход государств Ближнего Востока, порой конкурируя с арабо-мусульманской письменной традицией и выступая как некая альтернатива ей. Уйгурский алфавит продолжал достаточно широко использоваться в официальном делопроизводстве и культурной жизни региона вплоть до конца XV столетия, т. е. довольно длительное время после упадка государства Ильханидов.

Сам Рашид ад-Дин в посвященной истории тюрков части «Джами ат-таварих» признавал свое знакомство с письменными памятниками и устными преданиями уйгуров и ссылался на них. При написании истории самих уйгуров он, к примеру, отмечал, что делал это «так, как это излагают [сами] уйгуры. И так как [их] сказания и жизненные обстоятельства весьма обширны, то упоминание о [всех] событиях [в жизни уйгу-

ров] и об их верованиях так, как они записаны и упомянуты в их книгах, — составило отдельную историю и образовало прибавление к этой благословенной летописи» [Рашид-ад-Дин, т. I, кн. 1, 1952: 146]. Автор османского варианта «Огуз-наме» Языджиоглу Али, который написал свое произведение в значительной степени на основе сведений Рашид ад-Дина, вообще ссылаясь на некое «Огуз-наме», написанное уйгурским письмом, и подтверждал свои сведения данными из «Огуз-наме» и «Джами ат-таварих» ильханидского историка. Видимо, упоминание древней легенды о прародине всех тюркских народов Эргенеконе было также связано с его близким знакомством с литературой и мифами выходцев из Восточного Туркестана [Histoire des Seldjoucides, 1902: 2–4].

То, что османский автор мог действительно пользоваться данными написанного уйгурским письмом генеалогического предания об Огуз-хане, подтверждается широким распространением подобной литературы в тюркской среде Ближнего Востока в тот период. В частности, достаточно известен описанный османским историком и дипломатом Шукрюллахом факт публичного чтения в Тебризе на аудиенции при дворе государя Кара-Коюнлу Джахан-шаха одного из вариантов данного источника. Причем, ссылаясь на авторитет этого уйгурского варианта «Огуз-наме», Джахан-шах якобы признавал старшинство Османской династии над его собственным родом согласно древнеогузским генеалогическим традициям [Şükru'llah, 1949: 51].

О распространении огузских генеалогических преданий в тюркской среде Азербайджана в XV в. свидетельствует и труд Хасана ибн Махмуда из огузского племени *баят*. Во время совершения религиозного паломничества в Мекку этот житель Тебриза и последователь суфийского ордена *халватийи* имел встречу с османским принцем Джеммом, во время которой показал последнему рукопись «Огуз-наме», также написанной, по-видимому, уйгурским письмом. Принц настоятельно просил Хасана ибн Махмуда Баяти создать для него копию рукописи. Однако, как свидетельствует сам автор, он в течение недели на основании данных «Огуз-наме» написал новое произведение под названием «Джам-и Джем-айин». По словам Али Эмири-эфенди, впервые обнаружившего рукопись этого труда, сам факт того, что совершавший длительное путешествие к святым местам азербайджанский тюрк имел при себе рукопись огузского генеалогического предания, должен свидетельствовать о высоком авторитете подобной литературы в тюркской среде этого периода [Bayatlı, 1949: 376].

Следует также отметить, что своим произведением Языджиоглу Али выполнял политический заказ Османской династии и, ссылаясь на высокий авторитет преданий об Огуз-хане в тюркской среде Малой Азии, впервые стремился доказать право первенства Османов над остальными правящими тюркскими родами. Поэтому его сочинение высоко ценилось османскими султанами и послужило образцом для последующей османской исторической традиции. Так, в подражание Языджиоглу Али многие авторы XV–XVI вв. — Энвери, Рухи Челеби, Мехмед Нешри и другие, писавшие об истории Османского государства, предваряли свои труды различными вариантами огузских генеалогических мифов, в которые соответствующим образом вписывалось родословное древо правящей Османской династии.

В целом, как бы различные версии «Огуз-наме», включенные в официальные хроники или анонимные летописи, ни носили определенной политической нагрузки и ни слу-

жили интересам правящих кланов в тех или иных тюркских государствах в периоды обострения междинастийной конкуренции в Анатолии и Азербайджане, тем не менее, они отражали уровень исторического сознания тюркского общества. В этом смысле огузские генеалогические предания являлись теми образцами историко-литературных произведений, в которых было сосредоточено знание тюркских масс о прошлом своего народа, его географии, антропологии, религиозной жизни. Даже поверхностный взгляд на эти предания в данном ключе дает исключительно интересные и немаловажные результаты для понимания древнетюркской истории.

Прежде всего следует подчеркнуть, что во всех огузских генеалогических преданиях, письменно кодифицированных на территории Азербайджана или Анатолии в Средние века, древняя и исконная прародина тюркских народов располагалась далеко на востоке, в тех глубинах Азии, с которыми связь ближневосточных огузских народов и племен была почти утеряна в течение уже длительного исторического времени после переселения масс огузов и туркмен в регион Ближнего Востока. Так, Рашид ад-Дин очерчивает границы ареала обитания тюркских племен и народов в древнейшие времена, включая в них обширные степные, лесные и горные регионы Евразии, начиная от кыпчакских степей до районов Западной и Южной Сибири, Алтая, Монголии, Восточного Туркестана. При этом он упоминает такие историко-географические термины, как Дешт-и Кыпчак, Туркестан, Уйгуристан, Ибир и Сибир (т. е. Сибирь), Алтай, называет великие реки Ангара, Иртыш, Орхон, Селенга и другие, «кои смежны с Китайской стеной», города Талас и Сайрам, народы русов, черкесов, башкир, киргизов, найманов и т. д. [Рашид ад-Дин, т. I, кн. 1, 1952: 73–74]. Столь подробное описание в труде ильханидского историка географического ареала обитания древних тюрков, независимо от степени исторической точности и достоверности этих сведений, свидетельствовало о наличии в исторической памяти огузов Ближнего Востока определенных воспоминаний о собственной прародине.

В то же время письменная фиксация этих сведений должна была способствовать сохранению и закреплению в их культурной среде тех историко-географических знаний, которые без этого могли быть со временем преданы забвению. Во всяком случае, после труда Рашид ад-Дина ссылки на Туркестан и регион Центральной Азии и Алтая как место происхождения древних тюрков, т. е. праотцов и ближневосточных огузов, в той или иной форме повторяется во многих сочинениях, в которые были включены различные версии «Огуз-наме». К примеру, в произведении османского историка Мехмеда Нешри древним местом обитания тюрков указаны земли между Сырдарьей и Китаем, называемые Туркестаном, а столицей их царя-«хакана» — город Талас [Mehmed Neşri, 1949: 9–10].

В генеалогических преданиях, сохранившихся в тюркской среде Азербайджана и Анатолии в Средние века, содержится не менее ценная историческая информация, касающаяся представлений огузов об антропологических чертах и облике своих предков. Следует признать, что проблема расовых или антропологических особенностей древних огузов все еще не может считаться окончательно решенной. Тем важнее сведения, которые нам дают средневековые источники, в том числе огузские генеалогические предания. Тот же Рашид ад-Дин однозначно считает, что предки огу-

зов, мигрировавшие из Центральной Азии на запад, на своей прародине имели монголоидные черты. Лишь через несколько поколений после переселения в земледельческие ареалы Мавераннахра и Ближнего Востока они стали приобретать европеоидный облик. Правда, средневековый автор описывает эти процессы антропологической трансформации в свойственных его эпохе своеобразных выражениях и терминах и пишет, что огузские племена «пришли из своих областей в страны Мавераннахра и в землю Ирана и в этих местах стали плодиться и размножаться, их внешний вид под влиянием воды и воздуха мало-помалу сделался похожим на облик тазиков [таджиков]» [Рашид ад-Дин, т. I, кн. 1, 1952: 85].

Примерно в тех же фразах описывает этногенетические процессы в огузской среде и османский автор Языджиоглу Али, заимствовавший эти сведения у ильханидского историка: «Говорят, в то время, как огузский народ пребывал в Туркестане, внешне они напоминали монголов (букв. — «были монгололицы»), и язык их был схож с монгольским. Когда они переселились на земли Ирана, Анатолии (Рума) и Сирии (Шама), внешне они стали похожи на таджиков, а язык их стал звучнее и мягче» [Yazıcıoğlu Ali, 2]. Далее автор вносит некоторые разъяснения в свои рассуждения об этногенезе древних огузов и добавляет, что внешние изменения антропологического характера, т. е. переход от монголоидности к европеоидности, или иначе — постепенное обретение сходных черт с таджиками, происходило после миграции и оседания огузского народа в странах Мавераннахра и Ирана якобы «под воздействием воды и воздуха» этих мест. При этом османский историк особо подчеркивает, что речь идет лишь об изменении антропологических, а не этнокультурных свойств огузов, ибо «они не стали таджиками, и таджики называли их (огузов) туркменами, что означает «похожий на тюрка»» [Yazıcıoğlu Ali, 9].

Следует напомнить, что письменная кодификация древних генеалогических преданий огузов происходила в позднее Средневековье, когда они уже приняли ислам и не были неопитами этой религии. Тем интереснее уяснить взгляды огузов-мусульман, или, иначе, туркмен (туркман), на столь щепетильный для них вопрос, как оценка верований своих предков. Не вдаваясь в глубокий анализ данной проблемы, отметим, что Рашид ад-Дин и вслед за ним другие историки, использовавшие в своих сочинениях генеалогические предания об Огуз-хане, если и не могли выдавать его за истинного и правоверного мусульманина, поскольку он жил задолго до появления на исторической сцене основателя ислама пророка Мухаммеда, но, во всяком случае, однозначно объявляли его «единобожником», вплотную приблизившимся к восприятию «света истины». Более того, раскол и гражданская война в государстве древних огузов, по утверждению средневековых историков, произошли именно на религиозной почве и по причине отрешения Огуза от политеистической и идолопоклоннической веры своих предков. Так, узнав о склонности Огуза к новой вере в единого бога, его отец Кара-хан, к тому времени глава огузского народа и государства, а также ближайшие родственники решили умертвить его за столь тяжкий грех. Однако в разразившейся междоусобной войне «Всевышний» оказался на стороне Огуза, который победил армию своего отца и, взойдя вместо него на трон, сделал всех своих сородичей последователями новой монотеистической религии. Наградой за столь

ревностную веру ему была дарована слава великого мирозавоевателя. В течение своей жизни Огуз-хан покорил все страны и земли известной к тому времени ойкумены от Китая до Леванта, установив повсюду тюркскую власть. Безусловно, данный сюжет, ставший с легкой руки Рашид ад-Дина составной частью различных версий «Огузнаме», составленных многими авторами от Языджиоглу Али до хивинского правителя Абул-Гази Бахадур-хана, представлял собой мусульманскую интерпретацию воспоминаний и преданий огузов о междоусобных войнах, происходивших в доисламской языческой тюркской среде.

В огузских генеалогических преданиях древние сюжеты и представления причудливым образом и часто эклектично сплетены с реалиями более поздней мусульманской эпохи. По сути, те их версии, которые дошли до нашего времени в письменной кодификации, являются результатом процесса исламизации языческих сюжетов, их переработки в контексте требований новой религии. Не случайно герой древнеогузского эпоса, сказитель и шаман огузского народа Деде Коркуд в мусульманской версии предстает перед нами как религиозный святой, более того, с шиитским оттенком. Сказания его, как правило, начинаются с восхваления пророка Мухаммеда и его потомков имамов.

Действительно, особенно в среде азербайджанских тюрков в позднее Средневековье имя Коркуда было неразрывно связано с мусульманской религией и ее пророком. Более того, Коркуд предстал в образе миссионера, посланного самим Мухаммедом на Кавказ для проповеди ислама среди язычников. В сочинении Османа, который считается выходцем из Байбурта в восточной Анатолии и, скорее всего, родом принадлежал к туркманам Ак-Коюнлу, нашли широкое отражение древние огузские предания, все еще бытовавшие в среде восточных (азербайджанских) туркман. В частности, он посвятил целую главу родословной Баяндур-хана, одного из основных героев эпоса о Деде Коркуде и родоначальника правящей династии государства Ак-Коюнлу. Здесь же Осман приводит любопытный рассказ о древних огузах и их духовном наставнике Коркуде, связанный с их обращением в ислам и миссионерской деятельностью в районе Дербента. Перевод этого рассказа, явно основанного на народных преданиях огузов (туркман), звучит следующим образом:

«По рассказам [книги] «Бахр ал-ансаб» когда наступило время ухода из этой жизни вышеупомянутого Гёк Алп-хана и он преставился, его сыновья Кайдур-хан и Турмуш-хан разделили его страну между собой, и каждый стал ханом в своей области. Их брат Баяндур-хан вместе со своими людьми вышел из Хорасана и прибыл в Ани и Карс. Они воевали с иноверцами Грузии и захватили Тифлис. Затем прибыли в Демиркапу (Железные ворота, Дербент. — *Ш. М.*) и окружили Костасек Мелика, которому отрубили голову после взятия Демиркапу. В то время Иса (Иисус) — мир ему — вознесся на небеса, а о нашем пророке еще не было знака. Они не знали религии, однако имели веру во Всевышнего (букв. — Истину). Их называли племенем огузов. Казан-хан был везиром и одновременно зятем Баяндур-хана. Между ними были беки Внешних огузов (Таш Огуз) и Внутренних огузов (Ич Огуз). Беков Внутренних огузов звали Казан-хан, Будак-бек, Йиген-бек, Шемшедаддин-бек, Бейрек-бек, Кара Конук-бек. Беков Внешних огузов звали Дюндар-бек, Эмен-бек, Авшар-бек, Дёгер-бек, Рустам-бек, и звали их беками Внешних огузов. Всего было у них 90 тысяч воинов. Шей-

хом их был Деде Коркуд. Главой беков [рода] *тысячи одного джанки* был Казан-хан. Главой [рода] *пятидесяти восьми салджуков* был Дюндар-бек. Главой [рода] *тысячи бюгдюзов* был Эмен-бек. Главой [рода] *шестидесяти кыркыл-сакаллу коджа* был Уруз-Коджа. Главой [рода] *тридцати чобанов* был Караджук Чобан. По словам огузов, они составляли единое племя и являлись воинством Баяндур-хана. Еще до того времени, когда наш пророк пришел в этот мир, они в течение сорока лет воевали с иноверцами Грузии и получали с них дань (*харадж*). Когда же глава вселенной Мухаммед Муштафа — да благословит его Аллах и приветствует — пришел в этот мир и появился в Мекке, Баяндур-хан увидел пророка — да благословит его Аллах и приветствует — в видении и уверовал в него. Он послал Казан-хана, Дюндар-бека и Эмен-бека в благословенную Каабу к пророку — мир ему — и сообщил, что он приобщился к общине уверовавших. Когда Казан-хан вместе с беками отправился из этого края в Каабу, чтобы встретиться с пророком Аллаха, тот восседал в это время в мечети. Когда он увидел этих удивительных, высоких людей, которые не стригли волос, усов и ногтей, он прижался к стене. Говорят, место михраба [в мечети] появилось с тех пор. Пророк Аллаха наградил их верой, и те уверовали. Он придал им Салмана Фариси — да будет доволен им всевышний Аллах. Тот прибыл с ними в Демиркапу и стал обучать их вере, исламу, молитве и посту. Он назначил Деде Коркуда шейхом среди них. Затем, когда один из потомков Баяндур-хана Узун Хасан стал падишахом в стране Аджам, ислам воцарился в Аджаме. То место, которое называется Шам-Казан в Тебризе, является могилой Казан-хана, сына Худабенде. У них есть соборная мечеть в Тебризе. Славное было племя»¹ [Osman, 1961: 11–12].

Не вдаваясь здесь в подробный анализ изложенного выше рассказа, отметим, что сочинение Османа относится к концу XVI столетия. И уже в самом начале XVII в. немецкий путешественник Адам Олеарий, побывавший в Дербенте, приводит сведения о жизни, обычаях и преданиях тюрков этой области, которые полностью совпадают с рассказом Османа и подтверждают бытование в их среде старинных поверий и сказаний о Коркуде и древних огузах. Прежде всего Олеарий сообщает о народе огузов («окус»), которые издревле населяли эти земли и воевали с горскими языческими племенами, насаждая среди них ислам. Предводителем этого народа был царь Кассан, похороненный у Тебриза при реке Аджи (Аджичай), а могила его супруги — царицы Бурлэ — находилась также в Южном Азербайджане, крепости Уруми (Урмия). Несложно заметить, что речь идет о главных персонажах огузского эпоса о Деде Коркуде — Газан-хане и его жене Бурла-хатун. Немецкий путешественник также рассказывает о знаменитом кладбище Дербента, известном как кладбище «сорока святых» — «Кырхлар» на азербайджанском тюркском языке. По его словам, здесь были похоронены те огузские витязи, которые погибли в войнах с горцами-язычниками. Сохранившееся по сегодняшний день историческое кладбище отличается наличием могил с надгробны-

¹ Перевод на русский язык этого пассажа из произведения Османа со ссылкой на книгу М. Эргина (M. Ergin. Dede Korkut kitabı. T. I–II. Ankara, 1958–1963) приведен и в труде В. М. Жирмунского [Жирмунский, 1974: 557]. Но следует отметить, что перевод текста осуществлен не вполне корректно и явными искажениями смысла в некоторых местах. Поэтому мы решились привести в данной статье собственный вариант перевода.

ми камнями, размеры которых намного превосходят по длине рост обычного человека. Олеарий пишет по этому поводу, что у местного населения было поверье, согласно которому «эта прежняя нация (древних огузов. — Ш. М.) отличалась людьми гораздо более высокими и сильными, чем нынешние» [Адам Олеарий, 2003: 413]. Заметим, что по приведенным выше словам Османа, пророк Мухаммед также был поражен статному облику и высокому росту древних огузов.

Немецкий путешественник пишет также о гробнице «Имама Коркуда», которая находилась на горе рядом с Дербентом. Он видел ее своими глазами. По его сообщению, местные жители говорили про Коркуда, что тот «был другом Магомета, держался у ног его, учился у него и прожил после его смерти еще триста лет». Он также вдохновлял «царя Кассана», т. е. огузского правителя Газан-хана (героя огузского эпоса о Деде Коргуде — Салур Газана), на священную войну с горцами-язычниками и своими проповедями обратил тех в ислам, но и сам пал от их рук. Могила Коркуда, как описывает ее Адам Олеарий, представляла собой «большую пещеру, высеченную в скалистой горе. Гроб его был сколочен из четырех досок; далеко позади, в отверстии, поднимавшемся на два локтя от земли, он представлял весьма бедное зрелище и был виден для каждого. В предыдущий день я заходил туда, тщательно осмотрел все и не нашел никаких украшений. В качестве хранительницы гроба сидела старуха. Но на этот день, когда происходило паломничество для принесения жертвы, почва была выложена циновками, а перед отверстием, где находился гроб, повесили кусок золотой парчи. Из города и издалека пришли многие женщины и девушки, прошли босиком в пещеру, целовали гроб и садились наземь, чтобы помолиться о том, чего каждая из них желала. После молитвы они жертвовали кое-что старухе, которая также считается святой и ночью у гроба поддерживает горящую лампаду. Жертвы состояли в сыре, масле, молоке, хлебе, деньгах, вине и т. п.». В течение всей следующей ночи Олеарий и его спутники слышали в своем лагере, как у могилы Коркуда, а также у места погребения «сорока святых» огузских витязей — Кырхлар — раздавался сильный крик, который исходил от лиц, как им казалось, которые веселились, плясали, а то и выли [Адам Олеарий, 2003: 414–15]. На немецкого путешественника все это произвело впечатление чего-то языческого и варварского. Следует сказать, что он не ошибался в своем впечатлении, поскольку местные азербайджанские турки все еще продолжали практиковать некоторые древние языческие огузские обряды, лишь поверхностно прикрытые мусульманским обличем.

Заключение

Таким образом, огузские генеалогические предания, бытовавшие в Средние века на Ближнем Востоке, аккумулировали в себе исторические знания и представления тюркской среды этого региона, способствуя внутреннему единству тюркского сообщества Азербайджана и Малой Азии и сохраняя историческую память тюрков о своей древней прародине. Звучащие в них мотивы о древней земле Эргенекон, откуда «есть и пошла тюркская земля», постоянные ссылки на уйгурские варианты и списки «Огузнаме», свидетельствуют о продолжении в этот период духовной связи с тюрками Центральной Азии и Восточного Туркестана.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абул-Фазл Аллами. Акбар-наме. Самара : Изд. дом «Агни», 2003. 399 с.
- Алексеев И. Л., Сырейщикова А. А. Некоторые тенденции изучения наследия Ибн Халдуна в современной историографии // Вестник Российского государственного гуманитарного университета (История. Филология. Культурология. Востоковедение). 2009. № 13. С. 195–218.
- Асадов Ф. М. Ранние арабские источники о тюрках. Баку : Элм, 1993. 204 с.
- Бартольд В. В. Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности / Бартольд В. В. Сочинения. Т. V. М. : Наука, 1968. С. 266–279.
- Башкирские шежере / Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р. Г. Кузеева. Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1960. 304 с.
- Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л. : Наука. Ленинградское отд-ние, 1974. 727 с.
- Короглы Х. Г., Набиев А. М. Азербайджанский героический эпос. Баку : Язычы, 1996. 308 с.
- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. 452 с.
- Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию / Пер. с нем. А. М. Лобягина. Смоленск : Русич, 2003. 528 с.
- Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 222 с.
- Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 320 с.
- Тулбасиева С. Генеалогические предания как культурное и духовное наследие казахов // The Journal of Siberian Studies (SAD) 2013, Cilt 1, Sayı 2. Vol 1. Number 2. S. 41–50.
- Bayatlı Mahmud oğlu Hasan. Cam-ı Cem-ayin. Sadeleştirilen Kırzioğlu Fahrettin // Osmanlı Tarihleri. İstanbul: Türkiye Yayınevi, 1949. S. 373–408 (на турец. яз.).
- Histoire des Seldjucides d'Asie Mineure d'après Ibn-Bibi. Texte Turc. Publie d'après les Mss. De Leide et de Paris par M. Th. Houtsma. Vol. III. Leiden, E. J. Brill. 1902. 408 p. (на франц. и турец. яз.).
- Binbaş İ. E. Oguz Khan narratives // Encyclopaedia Iranica. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/oguz-khan-narratives>. (Дата обращения: 16.12.2020) (на турец. яз).
- Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. Neşri Tarihi. I cilt. Yayınlayanlar F. R. Unat ve Dr. M. A. Köymen. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1949. 419 s. (на турец. яз).
- Minorsky V. The Qara-qoyunlu and the Qutb-shahs (Turkmenica, 10) // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. 17, No. 1, 1955. P. 50–73 (на англ. яз.).
- Osman Tevârih-i Cedid-i Mir'at-ı Cihan. Düzenleyen: Atsız. İstanbul: Küçükaydın Matbaası, 1961. 28 s. (на турец. яз.).
- Şükruallah. Behcetüttevarih. Türkçeye çeviren Çiftçioğlu N. Atsız // Osmanlı Tarihleri. İstanbul: Türkiye Yayınevi, 1949. P. 39–76 (на турец. яз.).
- Yazıcıoğlu Ali. Oğuzname yahud Selçukname. Naşiri Necib Asım. İstanbul: Bahriye Matbaası (на турец. яз.).

REFERENCES

- Abul-Fazl Allami. *Akbar-name* [Kobrnam]. Samara: Izd. dom “Agni”, 2003, 399 c.
- Alekseev I. L. Syrejschchikova A. A. Nekotorye tendencii izucheniya naslediya Ibn Halduna v sovremennoj istoriografii [Some trends in the study of the legacy of Ibn Khaldun in modern historiography]. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta (Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie)* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities (History. Philology. Culturology. Oriental Studies)]. 2009, № 13, S. 195–218. (in Russian).
- Asadov F. M. *Rannie arabskie istochniki o tyurkah* [Early Arabic sources about the Turks]. Baku: Elm, 1993, 204 s. (in Russian).
- Bartołd V. V. Aristov N. A. Zаметki ob etnicheskom sostave tyurkskih plemen i narodnostej i svedeniya ob ih chislennosti [Notes on the ethnic composition of the Turkic tribes and nationalities and information on their numbers]. Bartołd V. V. *Sochineniya* [Compositions]. T. V, M.: Nauka, 1968, S. 266–279 (in Russian).
- Bashkirskie shezhere* [Bashkir shezhere]. Sostavlenie, perevod tekstov, vvedenie i kommentarii R. G. Kuzeeva. Ufa: Bashkirskoe kn. izd-vo, 1960, 304 s. (in Russian).
- Zhirmunskij V. M. *Tyurkskij geroicheskij epos* [Turkic heroic epic]. L.: Nauka. Leningradskoe otd-nie, 1974, 727 s. (in Russian).
- Korogly H. G., Nabiev A. M. *Azerbajdzhanskij geroicheskij epos* [Azerbaijan heroic epic]. Baku: Yazychy, 1996, 308 s. (in Russian).
- Malov S. E. *Pamyatniki drevnetyurkskoj pis'mennosti. Teksty i issledovaniya* [Monuments of ancient Turkic writing. Texts and Research]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1951, 452 s. (in Russian).
- Olearij Adam. *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu* [Description of the trip to Muscovy]. per. s nem. A. M. Lobyagina. Smolensk: Rusich, 2003, 528 s. (in Russian).
- Rashid-ad-din. *Sbornik letopisej* [Collection of chronicles]. T. I. Kn. 1. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952, 222 s. (in Russian).
- Rashid-ad-din. *Sbornik letopisej* [Collection of chronicles]. T. I. Kn. 2. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952, 320 s. (in Russian).
- Tulbasieva S. Genealogicheskie predaniya kak kul'turnoe i duhovnoe nasledie kazahov [Genealogical legends as a cultural and spiritual heritage of the Kazakhs]. *The Journal of Siberian Studies* [Genealogical legends as a cultural and spiritual heritage of the Kazakhs], 2013, Cilt 1, Sayı 2. Vol 1, Number 2, S. 41–50 (in Russian).
- Bayatlı Mahmud oğlu Hasan. *Cam-ı Cem-ayin. Sadeleştirilen Kırzıoğlu Fahrettin. Osmanlı Tarihleri* [Cam-ı Cem-ayin. Simplified by Kırzıoğlu Fahrettin. Ottoman History]. İstanbul: Türkiye Yayınevi, 1949, S. 373–408 (in Turkish).
- Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après Ibn-Bibi* [History of the Seljoucids of Asia Minor after Ibn-Bibi]. Texte Turc. Publie d'après les Mss. De Leide et de Paris par M. Th. Houtsma. Vol. III. Leiden, E. J. Brill. 1902, 408 s. (in French and in Turkish).
- Binbaş İ. E. Oguz Khan narratives. *Encyclopaedia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/oguz-khan-narratives>. (December 16, 2020) (in English).
- Mehmed Neşri. *Kitab-ı Cihan-nüma* [Kitab-ı Cihan-nüma]. Yayınlayanlar F. R. Unat ve Dr. M. A. Köymen. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1949, 419 s. (in Turkish).

Minorsky V. The Qara-qoyunlu and the Qutb-shahs (Turkmenica, 10). *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 17, No. 1, 1955, P. 50–73 (in English).

Osman Tevârih-i Cedîd-i Mir'at-ı Cihan [Cedîd-i Mir'at-ı Cihan]. İstanbul: Küçükaydın Matbaası, 1961, 28 s. (in Turkish).

Şükrullah. *Behcetüttevarih* [Şükrullah. Behcetüttevarih] Türkçeye çeviren Çiftçioğlu N. Atsız. Osmanlı Tarihleri. İstanbul: Türkiye Yiyinevi, 1949, P. 39–76 (in Turkish).

Yazıcıoğlu Ali *Oğuzname yahud Selçukname. Naşiri Necib Asım* [Oğuzname yahud Selçukname. Naşiri Necib Asım]. İstanbul: Bahriye Matbaası (in Turkish).

Статья поступила в редакцию 24.07.2020

Принята к публикации 18.01.2021

Цитирование статьи:

Мустафаев Ш. М. Генеалогические предания как отражение исторической памяти древних огузов // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26, № 1 (26). С. 82–96.

Citation:

Mustafayev Sh. M. Genealogical legends as a reflection of the historical memory of the ancient Oghuzes. *Nations and religions of Eurasia*. 2021. Vol. 26. № 1. P. 82–96.
